

УДК 811.136

*Ю.В. Богоявленская***ЭВОЛЮЦИЯ АБСОЛЮТНОЙ ПРИЧАСТНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКАХ РОМАНСКОЙ, ГЕРМАНСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ГРУПП**

Исследование выполнено в русле актуальных проблем, связанных с эволюцией абсолютной причастной конструкции в некоторых живых и вышедших из употребления языках романской, германской и славянской групп. Обсуждаются спорные вопросы, версии происхождения и развития конструкции в данных языках («латинская», «греческая» и «автохтонная»). Сопоставляются структурные и семантические особенности конструкции. Установлено, что в изучаемых языках она представляет собой бинарную структуру, включающую имя (существительное или местоимение), выполняющее роль логического подлежащего, и причастие в роли логического сказуемого. Вместе с основным предложением конструкция образует паратаксический синтаксический комплекс, конститuentы которого не связаны друг с другом при помощи служебных слов. К сходствам относится способность выражать определенно или синкретично временное значение, к различиям – выражение в некоторых языках причинного, условного, уступительного, целевого, присоединительного значения и др. В зависимости от особенностей развития грамматических систем языков в состав конструкции могут включаться причастия различных типов, присутствовать предлоги, конструкция может принять как форму общего падежа, так и иного падежа, закрепленного языком для данного типа конструкций. К расхождениям также относится порядок слов, который может быть либо прямым, либо инверсионным, либо зависеть от передаваемого значения или части речи подлежащего. В заключении обосновывается необходимость дальнейшего всестороннего анализа данного вида конструкций.

Ключевые слова: абсолютная причастная конструкция, предложная абсолютная конструкция, причастие, история индоевропейских языков, синтаксис, вторичная предикативность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1182-1192

Абсолютная причастная конструкция – одно из интереснейших явлений, составляющих неотъемлемую часть грамматической системы современных и вышедших из употребления индоевропейских, некоторых уральских и афразийских языков [7; 31]. Ее предикативным центром выступает причастие, выполняющее роль логического сказуемого, согласуемого с логическим подлежащим, в качестве которого выступает имя существительное или местоимение. В языках, имеющих систему склонения, оба конститuentа стоят в определенном падеже, закрепленном языком для данного типа конструкций. В языках с утраченной падежной системой имя и причастие стоят в общем падеже. В некоторых языках возможно употребление данной конструкции с предлогами. Будучи востребованной преимущественно в книжно-письменной речи, конструкция позволяет разнообразить синтаксический рисунок текста, выступает чаще всего альтернативой придаточным предложениям со значением времени, но может иметь и иные обстоятельственные оттенки.

Абсолютные причастные конструкции являются паратаксическими построениями, поскольку не содержат в своей структуре союзов, союзных слов или других средств связи, позволяющих установить ее логическое соотношение с основным предложением. Подобные синтаксические комплексы имеют древнее происхождение. Этот факт объясняется специалистами тем, что «в грамматическом строе древнейших языков паратаксис преобладал над гипотаксисом». Полупредикативные обороты, включая абсолютные, сформировались раньше, чем сложные развернутые синтаксические конструкции [7, с. 6].

В древних языках конструкция принимала форму различных падежей. В санскрите, например, существовало две абсолютные конструкции: *Locativus absolutus* использовалась в местном падеже и имела значение времени или условия. Конструкция *Genetivus absolutus*, эквивалентная уступительному придаточному предложению, обозначала действие, совершающееся вопреки действию, выражаемому спрягаемым глаголом [15, с. 195-196]. В древнегреческом языке использовались две абсолютные конструкции со значением времени, причины, уступки, условия и следствия, на фоне или в результате которых происходит главное действие – *Genetivus absolutus* и *Accusativus absolutus* [12, с. 307], но наиболее распространен был *Genetivus absolutus*. Причастие в составе конструкции имело относительно-временное значение: причастие настоящего времени (или реже перфекта) указывало на действие, одно-временное с действием глагола в личной форме, а причастие аориста – на предшествующее [27, с. 109]. В латинском языке широко использовался *Ablativus absolutus*, имевший те же обстоятельственные значения [16, с. 179-180].

Несмотря на то, что абсолютная причастная конструкция имеет много сходств в структуре и передаваемых значениях в разных языках, среди лингвистов не утихают споры о ее происхождении и особенностях развития. Поскольку в рамках статьи было бы затруднительно описать состояние вопроса во всех упомянутых языковых семьях, мы проанализируем его на материале нескольких языков романской, германской и славянской групп.

На первом этапе исследования мы обратимся к научным трудам по истории французского и других романских языков, генетически восходящих к латыни и испытывавших на себе ее влияние в течение многих веков. Мы сосредоточим внимание на развитии конструкции во французском языке, но обратимся также и к другим языкам для сопоставления. Далее проанализируем точки зрения относительно происхождения и развития конструкции в германских и славянских языках.

Большинство исследователей, занимавшиеся историей романских языков, в том числе *французского*, полагают, что абсолютная причастная конструкция восходит к обороту *Ablativus absolutus*, использовавшемуся в классической латыни. Латинская полупредикативная конструкция состояла из субъекта в аблативе, выступающего в роли логического подлежащего (субъекта), и согласованного с ним причастия I или II. Данный комплекс синтетически передавал различные обстоятельственные значения: временные, причинные, инструментальные, уступительные, точный смысл которых определялся из контекста. После утраты падежных флексий в старофранцузском языке *Ablativus absolutus* превратился в романских языках в «абсолютный причастный оборот», который употреблялся для передачи видовременного отношения «результативного предшествования». Этот оборот сохранился во всех романских языках, кроме румынского [1, с. 371, 381].

Ш. Балли утверждал, что абсолютные конструкции типа *L'ennemi vaincu, l'armée se retire* (Враг побеждён, армия возвращается) восходят не только к *Ablativus absolutus*, но и к сегментации. «Здесь также обнаруживается сочинительное происхождение. Вначале говорили: *L'ennemi (est) vaincu; l'armée se retire*; в дальнейшем аналогия с такими предложениями, как *Maintenant que l'ennemi est vaincu, après la défaite de l'ennemi ...* «Теперь, когда враг побеждён, после разгрома врага...», вызвала изменение толкования одновременно с изменением интонации. Латинский *Ablativus absolutus: hoste victo* «победив врага» служил в качестве вспомогательного средства, особенно в книжном языке, но он не является единственной отправной точкой этого типа» [6, с. 78].

В старофранцузском языке (X-XIV вв.) конструкция, по мнению лингвистов, была востребована в книжных текстах, хотя оценка ее частотности разнится: А. Боннар и К. Ренье пишут, что встречается она довольно редко [34], в то время как Ф. Брюно настаивает на ее высокой рекуррентности в данный период, однако отмечает, что употреблялась она преимущественно в переводах, подверженных влиянию латинского языка. Ученый приходит к выводу о том, что регулярно абсолютная конструкция с причастием в других романских языках стала употребляться позже, лишь с XVI в. [34].

В новофранцузский период (XVI-XVII вв.) происходят довольно чувствительные изменения в морфологической и синтаксической системах французского языка. Одной из таких особенностей стало расширение синтаксической функции действительного причастия в связи с тем, что оно перестало склоняться и согласовываться с существительным в роде и числе. Это новшество активно обсуждается среди грамматистов, и по предложению Клода Вожла в 1679 г. Французская Академия признает ее неизменяемой глагольной формой. Согласование происходит только в том случае, если это слово относится к отглагольным прилагательным [26, с. 184-185]. Что касается абсолютных конструкций, как пишет К.А. Аллендорф, они «не всегда получали признание грамматистов, но встречались у лучших писателей этого периода:

Mais les deux ennemis ne voulant point d'accord,
Le monarque des dieux s'avisait, pour bien faire,
De transporter le temps où l'aigle fait l'amour
En une autre saison (La Fontaine)» [3, с. 399]

В XVII в. оформляются две полярные позиции по отношению к абсолютной причастной конструкции. Первая была связана с неприятием всего, что было заимствовано из латыни. Напомним, что до XVI в. латынь была языком администрации, науки, образования, литературы. В 1539 г. король Франциск I подписал ордонанс, который помимо прочего был направлен на закрепление статуса французского языка как единого государственного. Органы администрации были обязаны отныне опираться на его парижскую норму вместо латыни при составлении документов. Латинский язык ус-

тупает место французскому языку во всех областях, даже в науке и высшем образовании, где он еще некоторое время сохранял свое исключительное положение. В новых условиях латинские заимствования часто воспринимаются критически. В частности, Клод Вожа в «Заметках о французском языке» [46], стремясь к «очищению» и «облагораживанию» языка, даже не упоминает эту конструкцию, а относительно *cela dit* утверждает, что это сочетание некорректно и требуется писать *ayant dit cela*. Л. де Тамплери критикует причастную конструкцию со своим подлежащим и предлагает перестраивать ее, используя глагол в личной форме (см. об этом [35]). В среде противников употребление конструкции осуждают, структуру называют «тяжеловесной», «не свойственной французскому языку», использовавшейся «под влиянием латинского синтаксиса» [4, с. 128]

У своих сторонников конструкция, напротив, вызывала восхищение. Ф. Брюно цитирует лингвистов, рекомендующих ее использование в речи, поскольку она позволяет сделать предложение емким, живым, ясным и понятным: М. де Гурне, Гамаша и др. По мнению Ля Арп, «этот тип аблатива [...] делает фразу более быстрой, не нанося вред ее ясности». Д. Буур называл конструкцию «самой красивой в языке, поскольку она позволяет выразиться кратко и живо» (цит. по [35]). Представляется, что именно это свойство и обеспечило конструкции дальнейшую жизнеспособность и востребованность в письменной речи.

В XVIII в. писатели активно используют конструкцию в своих произведениях, споры по ее поводу среди грамматистов утихли. Однако Французская Академия выступает против ее использования в речи, особенно конструкции с причастием прошедшего времени, настоятельно рекомендуя заменять на личную форму глагола. Лишь в начале XX в. закончилось противостояние Французской Академии; конструкция стала восприниматься естественной для французского языка, приобрела статус нормативной.

В современном французском языке конструкция имеет бинарную структуру, при этом порядок слов закрепился (SVO), то есть логическое подлежащее предшествует причастному сказуемому. К традиционным значениям добавляется присоединительное значение [20]. Для образования конструкции используется три вида причастий:

– настоящего времени (Participe Présent): *Tout le monde ne possédait pas sa propre cuisine, les logements en ville étant trop petits* [42]. ‘Не у всех была своя собственная кухня, потому что квартиры в городе были слишком маленькими’;

– прошедшего времени (Participe Passé): *Rolande libérée, je n’avais aucune envie d’attendre qu’elle revienne me chercher* [44]. ‘Когда Роланда освободилась, у меня не было никакого желания ждать, что она вернется за мной’;

– сложное причастие прошедшего времени (Participe Passé Composé): *Le conseil d’administration n’ayant finalement pas approuvé ses demandes financières*, Jean-Marie Messier a aussi envoyé un courriel à certains de ses membres [38]. ‘Поскольку административный совет так и не одобрил его финансовые запросы, Жан-Мари Мессье также написал письмо некоторым его членам’.

Родство абсолютной причастной конструкции в других романских языках с Ablativus absolutus, как правило, не оспаривается лингвистами (см., например, [37]).

Т.Б. Алисова, исследуя *итальянский язык* XIII-XV вв., однозначно трактует абсолютные обороты с причастием (настоящего времени) как «синтаксический латинизм» [2, с. 10]. Отмечает влияние латинского языка в переводных произведениях, в которых переводчики стремились «передать не только смысл, но и стиль латинского оригинала». Это стремление отражалось «на синтаксической структуре фразы, где появляются чуждые итальянскому вольгаре абсолютные конструкции и конечное положение личной формы глагола». Однако к латинизмам прибегали часто, поскольку они «облагораживали» итальянский текст, способствовали выдвиганию на первый план эстетической функции [2, с. 31-32]. В современном итальянском языке есть два причастия (настоящего и прошедшего времени), но абсолютная причастная конструкция строится преимущественно с причастием прошедшего времени, что связано с тем, что на современном этапе развития итальянского языка причастие настоящего времени используется редко, в основном в административно-бюрократическом или научном стиле. Подлежащее причастия, в отличие от французского, всегда ставится в постпозицию: *Entrato lui, si fece silenzio* ‘Когда он вошел, наступила тишина’; *Finita la pioggia, è uscito di nuovo sole* ‘Когда закончился дождь, снова выглянуло солнце’ [9, с. 231].

В *испанском языке*, как и в итальянском, конструкция образуется только с одним причастием – причастием прошедшего времени (Participio pasado pasivo). Оно может иметь пассивное и активное

значение, выражать настоящее или прошедшее время в зависимости от контекста. Порядок слов в конструкции с существительным – логическим подлежащим инверсионный, а с местоимением – прямой: **Preparado el viaje**, fue a despedirse de los amigos ‘Когда поездка была подготовлена, он пошел прощаться с друзьями’.

В *португальском языке* абсолютная причастная конструкция имеет значения времени, причины, уступки, условия, но также и цели. Любопытно, что в том, случае, когда конструкция передает временное значение, как в итальянском и испанском языках, используется инвертированный порядок слов: **Nascido o bebê**, os pais estavam felizes. ‘Когда ребенок родился, родители были счастливы’ [5, с. 12].

Таким образом, абсолютная причастная конструкция в романских языках является синтаксическим латинизмом. Она получила развитие во всех романских языках за исключением румынского и активно используется преимущественно в письменной речи. Несмотря на некоторые расхождения в морфологии и последовательности компонентов, продиктованные эволюцией грамматических систем каждого конкретного языка, она сохранила в них свои семантические и синтаксические особенности.

Происхождение абсолютной причастной конструкции в готском и древнеанглийском языках вызывает активные дискуссии среди германистов. Анализ научной литературы позволяет выделить три версии ученых в этом вопросе, которые мы условно обозначили как «латинская», «греческая» и «автохтонная».

Относительно готского языка ряд исследователей отмечает, что абсолютные причастные конструкции в нем были синтаксической калькой греческих подлинников, поскольку дословный перевод Библии не мог без этого обойтись [11, с. 71] («греческая» версия). Как пишут С.И. Дубинин и М.В. Бондаренко, «готский синтаксис определялся спецификой греческого первоисточника и переводческой установкой» [11, с. 71]. В научной литературе готский сравнивается с церковнославянским, также созданным для перевода библейских текстов.

Оппозиционной версией является «автохтонная» (прагерманская) версия, согласно которой абсолютная причастная конструкция в *готском языке* является германским развитием индоевропейской конструкции (М.М. Гухман [10], Дж. Кастелло [36], Б. Бауэр [33] и др.). В частности, В.В. Моргалёва, сопоставляя греческие тексты и их переводы на готский, приходит к выводу о том, что абсолютные причастные обороты «органически присущи германским языкам», представляют «своеобразность готского языка, которая позже дала развитие различным конструкциям в других германских языках» [19, с. 77]. Автор опирается на следующие соображения. В готском существовали четыре абсолютных падежа: дательный, родительный, винительный и именительный. Как отмечает исследователь, для перевода греческого Genetivus absolutus преимущественно использовался абсолютный дательный. Тот факт, что Genetivus absolutus не всегда переводился дательным абсолютным, автор считает достаточным доказательством его готского происхождения [19, с. 73-76]. Представляется, что подобный вывод несколько категоричен. Во-первых, необходимо учитывать, что готская письменность создавалась под сильным влиянием греческого языка: «на гипотаксис готских текстов Библии наложил очень значительный отпечаток как язык греческого оригинала, так и стилевые клише канонической ‘возвышенной’ прозы. Это проявилось в наличии синтаксических калек, [...], а также стилистических штампов христианской литературы (причастные конструкции в функции предикативных оборотов, абсолютные конструкции-зачины) [11, с. 71]. Во-вторых, остальные абсолютные падежи и приемы перевода, как автор сам же и утверждает, часто ссылаясь на других лингвистов, привлекались для перевода «в виде исключения», «в единичных случаях». В-третьих, переводчик, даже стремясь к дословному переводу, имел право выбора между калькированием и иными приемами перевода. Предпочтение дательному самостоятельному свидетельствует здесь о его наибольшем синтаксическом и смысловом соответствии греческому Genetivus absolutus, но не доказывает готского или древнеанглийского происхождения оборота.

Еще одну версию, комбинирующую предыдущие подходы, отстаивают исландские исследователи [45]. Они акцентируют внимание на том, что в готском языке встречалось два вида конструкций: предложная, с союзом *at*, и беспредложная. Предложная конструкция употреблялась с причастием в настоящем времени и использовалась в дательном или, в единичных случаях, в винительном падеже. В то же время в готском, как в других древнескандинавских языках, использовались беспредложные абсолютные причастные конструкции. Авторы высказывают предположение, что появление данного вида конструкций обязано иностранному влиянию: греческому (в случае с готским) и латинскому (в случае с восточногерманскими языками) [45, р. 10-11].

«Латинская» версия происхождения конструкции в *древнеанглийском языке* развивается в трудах Ч. Росса [43], Т. Кисби [39] и некоторых других лингвистов, которые считают, что данный тип конструкций является латинским синтаксическим заимствованием. В своей работе, посвященной исследованию синтаксических конструкций английского языка, появление и развитие которых в древнеанглийском связано с языковой интерференцией и переводом, О.В. Тимофеева делает вывод, что перевод латинского Ablativus absolutus с помощью абсолютного дательного причастного оборота представляет собой синтаксическую кальку и что высокая частотность Ablativus absolutus в латинских текстах обеспечила ее более быстрое проникновение в систему древнеанглийского языка [28]. Как отмечает В.Н. Ярцева, «употребление, подобное Ablativus Absolutus, было нетипично для причастий древнегерманских языков; в силу этого можно полагать, что именно под влиянием переводов с латинского языка причастие начало приобретать несвойственное ему раньше синтаксическое использование» [32, с. 138].

Комбинированный подход предлагает Г.И. Семенов, которая приходит к выводу о том, что «древнеанглийские абсолютные предложения, унаследованные из индоевропейского праязыка, на ранних зафиксированных этапах языкового развития находились на грани исчезновения и могли бы совсем выйти из употребления, если не рост количества абсолютных причастных предложений благодаря переводам (и переводчикам) латинских текстов» [25, с. 50]. Таким образом, автор убеждена как в германском происхождении конструкции, так и соглашается с влиянием переводов с латыни. Автор также пишет, что в XII-XIII вв. частотность конструкций невелика, и связывает их дальнейшее развитие с «утратой французским языком своих позиций в Англии и стремительным ростом литературы на английском языке» [25, с. 50].

Как видим, вопрос о происхождении абсолютного причастного оборота в готском и древнеанглийском языках решается по-разному и вряд ли на данный момент его можно считать однозначно решенным.

Что касается дальнейшего развития конструкции, то ее функциональный «заряд» (в древнеанглийском языке она выполняла функции обстоятельства времени, причины, условия и сопутствующего условия) не изменился к среднеанглийскому периоду, но несколько преобразилась структура, что было связано с эволюцией грамматической системы – в начале среднеанглийского периода причастие утрачивает способность передавать грамматические категории рода, числа и падежа. В среднеанглийском периоде конструкция, таким образом, включает существительное или местоимение в общем падеже и причастие I или II: **The cause yknowe** ..., anon he yaf the sike man his boote ‘Так как причина была известна, он тотчас же оказал больному человеку помощь’ ; **The conseil in this wise take**, the prestes fro this lady gon ‘После того как был дан такой совет, священники ушли от этой женщины’ [13, с. 204, 206]. Исследователи отмечают, что с конца среднеанглийского периода и до XVII в. оборот широко употребляется в письменной речи, например: You sleep in peace, **the tyrant being slain**. ‘Вы можете спать спокойно, так как тиран убит’ . Но с XVIII в. происходит некоторое ограничение сферы его употребления [13, с. 292].

В *современном английском языке* абсолютная причастная конструкция представляет собой синтаксический комплекс, в котором логическое подлежащее представлено именем существительным или местоимением в общем падеже, а логическое сказуемое – причастием I или II (Participle I, II): **The rain having stopped**, we got out of our tents. ‘После того, как дождь прекратился, мы вышли из своих палаток’ . **Her father smoking** heavily, it was difficult to breathe in the house. ‘Так как его отец много курил, то в доме было трудно дышать’ . Помимо временного, причинного, условного значений, в английском, как и французском, языке конструкция может иметь значение сопутствующего действия. Конструкция также может использоваться с предлогом *with*: **With demand rising and depletion accelerating**, the US needs more supply from more areas and more capacity to move the gas ‘С ростом спроса и ускорением истощения, США потребуются больше поставок из большего числа регионов и больше мощностей для транспортировки газа’ [23, с. 86].

Неоднозначно решается вопрос о происхождении конструкции в *немецком языке*. Немецкие исследователи Я. Гримм, О. Бехгаль утверждают, что абсолютные причастные обороты появились в немецком языке в XVIII в. и употреблялись по образцу французских абсолютных конструкций. Г. Пауль при этом утверждает, что возникли они «на немецкой почве» (Цит. по [21, с. 70]). Основой их развития, по его мнению, были безличные пассивные конструкции с зависимым существительным в винительном или родительном падеже. Считая это замечание ценным, Г.И. Перельман категорично

заключает, что «абсолютные обороты не являются чуждой, навязанной немецкому языку конструкцией, возникшей под влиянием французского языка, а представляют собой закономерное явление, развившееся на базе уже имевшихся элементов немецкого грамматического строя» [21, с. 70].

Говоря об истории абсолютной причастной конструкции в немецком языке, необходимо учитывать то сильнейшее влияние, которое на него оказали латынь и французский язык. В частности, А. Бах пишет о «могуществе латыни» и «господстве французского языка в качестве разговорного и письменного языка немцев с XVII и вплоть до XX в.» [8, с. 216, 233]. Французский язык стал языком высшего общества, литературы, науки и дипломатии. Такая же картина, как пишет М.В. Сергиевский, наблюдалась и в других странах Европы: Дании, Нидерландах, Италии, Испании и т.д. [26, с. 201-202]. Возобновившееся влияние латыни в XV-XVI вв. на структуру немецкого предложения проявилось в том, что грамматисты того времени, в том числе и известный В. Иккельзамер, «настоятельно рекомендуют строить предложение по образцу латинского языка, и многие его современники сознательно придерживаются этого принципа». Результатом этого подражания латинскому являются также причастные конструкции [8, с. 193]. А.Я. Минор также видит аналогию конструкции с абсолютным дательным с синтаксическими конструкциями латинского языка, но связывает это с влиянием латыни на письменный язык в еще более ранний, древневерхненемецкий период (VIII-XI вв.) [18, с. 49]. В современном немецком языке абсолютные причастные обороты с существительным в винительном падеже имеют значение результативного действия (состояния), причем результат действия по времени совпадает со временем действия личной формы глагола или выражают уже совершившееся действие (последнее крайне редко): ... und Hans Castorp, **die Hände zur Abwechslung hinter dem Kopf gefaltet**, antwortete ihm, ebenfalls lächelnd, auf all das, gewiß, aber er antwortete ihm (Th. Mann. Der Zauberberg) '... и Ганс Касторп, для разнообразия заложив руки за голову, ответил и на этот вопрос, не без улыбки, но ответил' [21, с. 74].

Обратимся к *скандинавским языкам* – северной подгруппе германских языков. В древнескандинавском языке существовала абсолютная причастная конструкция с предлогом *at*, использовавшаяся в дательном падеже с причастием настоящего времени, а также в дательном и, крайне редко, в винительном падеже с причастием прошедшего времени. Причастия согласовывались со словом, выступающим в функции логического подлежащего. Как полагают М. Нигаард, Т. Хаукссон и Т. Оскарссон, их происхождение обязано влиянию латинского языка, поскольку обнаруживаются в текстах, не принадлежавших скандинавской литературной традиции: религиозных, образовательных и других [41; 37]. Однако эта позиция не поддерживается исследователями, настаивающими на «автохтонной» версии происхождения, так как случаи употребления конструкции фиксируются и в иных текстах, исконно скандинавских: юридических, исторических и так далее. При этом авторы подчеркивают, что несмотря на то, что конструкция имеет древнескандинавское или готское происхождение, ее закрепление и развитие во многом произошло благодаря переводам с латинского языка [45, р. 7-8].

В *современном исландском языке* используется два вида предложной абсолютной конструкции с причастием: первый – с причастием настоящего времени, представляющим собой неизменяемую форму, второй – с причастием прошедшего времени, согласуемого с логическим подлежащим в роде, числе и падеже. Причастие находится либо в препозиции к логическому подлежащему, либо в постпозиции – в случаях, когда подлежащее выражено местоимением. Конструкция передает временное значение: *Komdu aftur að líðnu sumri*. 'Возвращайся, когда лето закончится' [45, р. 4].

Итак, происхождение конструкции в германских языках более дискуссионное, чем в романских. Анализ языковой ситуации, точек зрения и аргументов исследователей, приводят к выводу, что синтаксическое калькирование греческих и латинских первоисточников явно оказало влияние на жизнеспособность конструкции. При этом достаточно обоснованной и убедительной представляется «автохтонная» версия, изложенная в работе [45]: предложные конструкции имеют готское происхождение, а беспредложные – греческое или латинское. В любом случае их востребованность в переводах с греческого и латинского языков «поддерживали» и способствовали развитию конструкции в древнескандинавских, древнеанглийском, готском языках. В немецком языке, как представляется, появление конструкции обязано влиянию латинского и французского языков.

В ряде *славянских языков (старославянском, церковнославянском, письменных памятниках древнерусского языка)*, также как в готском и древнеанглийском, абсолютный дательный оборот с причастием («дательный самостоятельный») представлял собой сочетание имени (существительного или местоимения) в форме дательного падежа и причастия, согласующегося с этим именем в роде,

числе и падеже. «Связь между этими двумя логическими предложениями подчинительная, то есть оборот чаще всего осмысливается и переводится на русский язык как придаточное предложение с обстоятельственным значением» [30, с. 431-432]. Дательный самостоятельный чаще всего употребляется в функции придаточного предложения времени, значительно реже причинного, условного, уступительного предложений.

В отличие от греческого *Genetivus absolutus* дательный самостоятельный в церковнославянском мог употребляться и тогда, когда субъект действия в нем совпадал с субъектом действия остальной части предложения. Самой своеобразной чертой конструкции было то, что он мог употребляться в качестве самостоятельного предложения, главного предложения сложноподчиненных предложений и в составе сложносочиненных предложений и мог вводить прямую речь [22]. Исследователи считают дательный самостоятельный синтаксическим старославянизмом, одним из маркеров высокого стиля изложения.

В научной литературе оформились две точки зрения на его происхождение в славянских языках. Первая связывает его с калькированием конструкции *Genetivus absolutus* в переводах с греческого языка. Приверженцы второго подхода довольно энергично продвигают вопрос об исконности этого оборота на славянской почве (см., например, вывод В.В. Колесова, считающего дательный самостоятельный скорее «специфической особенностью славянского литературного текста, чем грецизмом» [14, с. 612], работу Е.А. Самсоновой [24] и др.). Что касается переводов с латинского языка *Ablativus absolutus*, как пишет В.С. Томеллери, в церковнославянских переводах «дательный самостоятельный соответствует почти без исключений латинскому обороту *Ablativus absolutus*, имеющему обстоятельственные значения (причины, времени, условия и т. д.), когда подлежащее главного предложения не совпадает с подлежащим причастной конструкции» [29, с. 203].

Нам представляется более взвешенным подход авторов «Лингвокультурологического тезауруса «Гуманитарная Россия», которые считают важным учитывать, что «старославянский синтаксис создавался и развивался под непосредственным влиянием греческого синтаксиса. В связи с этим можно было бы предположить, что старославянский дательный самостоятельный полностью соответствовал греческому родительному самостоятельному и представлял собой простую его замену. Однако история языка книжно-славянской письменности обнаруживает, что, будучи введен в область церковнославянской письменности, дательный самостоятельный, продолжая использоваться в функции греческого родительного самостоятельного, расширил сферу своего употребления и стал явлением оригинальным» [22].

Дательный самостоятельный отличался высокой частотностью и многофункциональностью, но после утраты склонения причастиями оборот стал разрушаться. Причастие приняло форму именительного падежа, и к XVIII в. оборот практически вышел из употребления. К настоящему времени он сохранился лишь в тех говорах северорусского наречия, которые не утратили склонение кратких форм прилагательных и причастий (поморских, вятских и некоторых других). Считаю важным процитировать «Российскую грамматику» М. Ломоносова (§ 533), который высказывал сожаление об утрате «славянского дательного самостоятельного»: «И хотя еще есть некоторые того остатки, российскому слуху сносные, как: *бывишу мнѣна морѣ, восстала сильная буря*, однако прочие из употребления вышли. В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять. Может быть, со временем общий слух к тому привыкнет, и сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится» [17].

Абсолютная причастная конструкция прошла сложный путь эволюции в романских, германских и славянских языках и вызывала среди лингвистов неоднозначные, порой полярные, мнения от полного неприятия до восхищения их краткостью, живостью и красотой. Споры вокруг их происхождения, лингвистического статуса и многих других вопросов не утихают до сих пор, а потому требуют дальнейшего всестороннего и глубокого анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию. М.: Высшая школа, 2007. 454 с.
2. Алисова Т.Б., Чельшева И.И. История итальянского языка. М., 2009. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/A/ALISOVA_Tat%27yana_Borisovna/_Alisova_T.B..html
3. Аллендорф К.А. Новофранцузский период (XVII–XVIII века) // История французского языка. М.: Изд-во литературы на ин. языках, 1963. С. 343-423.

4. Аллендорф К.А. Очерк истории французского языка. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1959. 182 с.
5. Амарал Де Оливейра А., Агиар Пардиньо Л. Особенности и функции инвертированного порядка слов в бразильском варианте португальского языка // Язык и культура, 2018, №. 41. С. 7-23.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955. 416 с.
7. Балута А.А. Абсолютные обороты с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика. №2. 2013. С. 5-10.
8. Бах А. История немецкого языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 344 с.
9. Буэно Т., Грушевская Е. Грамматика итальянского языка. М.: АСТ, 2014. 318 с.
10. Гухман М.М. Готский язык. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 288 с.
11. Дубинин С.И., Бондаренко М.В., Тетеревинов А.Е. Готский язык. Самара, 2006. 148 с.
12. Зарембо О.С., Татанушко К.А. Древнегреческий язык. Минск: БГУ, 2013. 352 с.
13. Иванова И., Чахоян Л., Беляева Т. История английского языка. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 512 с.
14. Колесов В.В. История русского языка. М.: Академия, 2005. 669 с.
15. Кочергина В.А. Учебник санскрита. М.: Добросвет, 2015. 344 с.
16. Латинский язык. М.: Высшая школа, 2010. 399 с.
17. Ломоносов М.В. Российская грамматика. § 428–592. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/428-592.htm>
18. Минор А.А. Курс лекций по истории немецкого языка. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2019. 103 с.
19. Моргалёва В.В. Абсолютные причастные обороты в готском и древнеанглийском // Вест. Том. гос. пед. ун-та. 2008. № 2. С. 73-77.
20. Нелюбина М.С., Богоявленская Ю.В. Абсолютная причастная конструкция и смежные явления во французском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3. С. 5-15. DOI: 10.17223/19986645/41/3
21. Перельман Г.И. Некоторые особенности абсолютных причастных оборотов «Причастие II + существительное в винительном падеже» в современном немецком языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. №171. С. 68-76.
22. Ремнёва М.Л., Дедова О.В., Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Савельев В.С., Пентковская Т.В. Палеославистика. Дательный самостоятельный // Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». ООО «ОСЗ», 2009. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=1&raz=3&pod=4&par=6>
23. Роева К.М. Межкатегориальные связи английского причастия I в абсолютных причастных оборотах (на материале научно-технического дискурса) // МНИЖ. 2013. №2 (9). С. 86-88.
24. Самсонова Е.А. Причастия и их роль в становлении синтаксической перспективы текста (на материале севернорусских житийных произведений об Иоанне и логине Яреньгских XVI–XVIII вв.) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2009. № 2-2. С. 182-187.
25. Семенов Г.И. Абсолютные причастные предложения в ранне-новоанглийском языке: социолингвистический аспект // Научный результат. 2014. № 2. С. 49-54.
26. Сергиевский М.В. История французского языка. М.: Учпедгиз, 1938. 295 с.
27. Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. М., 2003. 630 с.
28. Тимофеева О.В. Синтаксические заимствования в древнеанглийском языке. 2005. 10.02.04. 173 с.
29. Томеллер В.С. О некоторых синтаксических особенностях Толковой Псалтири Брунона (1535) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2013. С. 196-225.
30. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974. 432 с.
31. Шутов А.Ф. Распространенные члены как семантические аналоги придаточных предложений в удмуртском языке // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2012. Вып. 2. С. 32-37.
32. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.
33. Bauer V. Archaic syntax in Indo-European. The spread of transitivity in Latin and French. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000. 394 p.
34. Bonnard H., Regnier C. Petite grammaire de l'ancien français. Paris: Magnard, 1991. 240 p.
35. Brunot F. Histoire de la langue française, dès origines à 1900. Paris: A. Colin, 1966. 360 p.
36. Costello J. R. The Absolute construction in Indo-European: a syntagmatic reconstruction // Journal of Indo-European Studies. 1982. № 10. 3- 4. Pp. 235-252.
37. Hauksson T., Óskarsson T. Íslensk stílfraði. Reykjavík: Mál og menning, 1994. 709 p.
38. French mixed corpus of Leipzig Corpora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_mixed_2012
39. Kisbye T. An historical outline of English syntax. Aarhus: Akademisk boghandel, 1972. 392 p.
40. Moliner M. Diccionario de uso español. Edición electrónica. Segunda edición. Gredos, 2001.
41. Nygaard M. Norrøn syntax. Kristiania: Aschehoug, 1905. 391 p.
42. Pancol K. La valse lente des tortues. Paris: Le livre de poche, 2008. 768 p.

43. Ross C. H. The Absolute Participle in Middle and Modern English // PMLA. 1893. Vol. 8, № 3, pp. 245-302.
44. Sarrazin A. L'astragale. Paris: Le livre de poche, 1964. 226 p.
45. Þórhallur Eythórssón, Ingunn Hreinberg Indriðadóttir. The prepositional absolute construction in Icelandic // Скандинавская филология. 2018. Т. 16. Вып. 1. С. 3-18. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.101>
46. Vaugelas C. Remarques sur la langue française. Paris: Hachette, 1647. 688 p.

Поступила в редакцию 22.02.2021

Богоявленская Юлия Валерьевна, доктор филологических наук, доцент
кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620002 Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: jvbog@yandex.ru

Yu.V. Bogoyavlenskaya

EVOLUTION OF ABSOLUTE PARTICIPIAL CONSTRUCTION IN LANGUAGES OF ROMANCE, GERMANIC, AND SLAVIC GROUPS

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1182-1192

The study was carried out within the framework of the current problems associated with the evolution of the absolute participial construction in several living and extinct languages of the Romance, Germanic and Slavic groups. The controversial issues, versions of the origin and development of the structure in these languages ("Latin", "Greek" and "autochthonous") are discussed. The structural and semantic features of the absolute participial construction are compared. It has been established that in the languages under study, the construction has a binary structure that includes a name (noun or pronoun) playing the role of a logical subject, and a participle in the role of a logical predicate. Together with the main sentence, the construction forms a paratactic syntactic complex, the constituents of which are not connected with each other by means of service words. Similarities include the ability to express definitively or syncretically temporary meaning; as for the differences, they are the expression in some languages of a causal, conditional, concessive, target, connecting meaning. Depending on the peculiarities of the development of grammatical systems of languages, the structure may include participles of different types, prepositions may be present, the structure may take both the general case form and another case fixed by the language for this type of structures. The words order, which can be either direct or inverse or depend on the transmitted meaning or part of speech of the subject, also differs in the languages. In conclusion, the necessity of further comprehensive analysis of this type of structures is substantiated.

Keywords: absolute participial construction, prepositional absolute construction, participle, history of Indo-European languages, syntax, secondary predicativeness.

REFERENCES

1. Alisova T.B., Repina T.A., Tariverdieva M.A. Vvedenie v romanskuyu filologiju [Introduction to Romance Philology]. Moscow, HSE Publ., 2007, 454 p. (In Russian).
2. Alisova T.B., Chelysheva I.I. Istorija ital'janskogo jazyka [History of the Italian language]. M., 2009. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/A/ALISOVA_Tat%27yana_Borisovna/_Alisova_T.B.html (In Russian).
3. Allendorf K.A. Novofrancuzskij period (XVII–XVIII veka) [New French period (XVII–XVIII Centuries)] // Istorija francuzskogo jazyka [History of the French language]. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1963, pp. 343-423. (In Russian).
4. Allendorf K.A. Oчерк istorii francuzskogo jazyka [Essay on the history of the French language]. Moscow, Gos.uch.-ped.izd-vo Ministerstva Prosveshhenija RSFSR, 1959, 182 p. (In Russian).
5. Amaral De Olivejra A., and Agiar Pardin'o L. Osobennosti i funkcii invertirovannogo porjadka slov v brazil'skom variante portugal'skogo jazyka [Features and functions of inverted word order in Brazilian Portuguese] // Jazyk i kul'tura [Language and culture], 2018, no. 41, pp. 7-23. (In Russian).
6. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1955, 416 p. (In Russian).
7. Baluta A.A. Absoljutnye oboroty s obstojatel'stvennym znacheniem v indoevropejskikh i semitskikh jazykah [Absolute turns with adverbial meaning in Indo-European and Semitic languages] // Vestnik MGOU. Serija "Lingvistika" [MGOU Bulletin. Series "Linguistics"], 2013, no. 2, pp. 5-10. (In Russian).
8. Bah A. Istorija nemeckogo jazyka [History of the German language]. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1956, 344 p. (In Russian).

9. Bujeno T., Grushevskaja E. Grammatika ital'janskogo jazyka [Italian grammar]. Moscow, AST Publ., 2014, 318 p. (In Russian).
10. Guhman M.M. Gotskij jazyk [Gothic]. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1958, 288 p. (In Russian).
11. Dubinin S.I., Bondarenko M.V., Teterenkov A.E. Gotskij jazyk [Gothic]. Samara, 2006, 148 p. (In Russian).
12. Zarembo O.S., Tatanushko K.A. Drevnegrecheskij jazyk [Ancient Greek]. Minsk: BGU, 2013, 352 p. (In Russian).
13. Hauksson T., Óskarsson T. Íslensk stílfræði. Reykjavík: Mál og menning, 1994. 709 p. (In Icelandic).
14. Ivanova I., Chahojan L., Beljaeva T. Istorija anglijskogo jazyka [History of the English language]. SPb., Lan Publ., 1999, 512 p. (In Russian).
15. Kolesov V.V. Istorija russkogo jazyka [History of the Russian language]. M.: Akademija [Academy Publ.], 2005. 669 s. (In Russian).
16. Kochergina V.A. Uchebnik sanskrita [Sanskrit textbook]. Moscow, Dobrosvet, 2015, 344 p. (In Russian).
17. Latinskij jazyk [Latin]. Moscow, HSE Publ., 2010, 399 p. (In Russian).
18. Lomonosov M.V. Rossijskaja grammatika [Russian grammar]. § 428-592. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/428-592.htm> (In Russian).
19. Minor A.Ja. Kurs lekcij po istorii nemeckogo jazyka [Course of lectures on the history of the German language]. Saratov: Saratov University Press, 2019, 103 p. (In Russian).
20. Morgal'jova V.V. Absolutnyje prichastnyje oboroty v gotskom i drevneanglijskom [Absolute participial phrases in Gothic and Old English] // Vest. Tom. gos. ped. un-ta [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2008, no. 2, pp. 73-77. (In Russian).
21. Neljubina M.S., Bogojavlenskaja Ju. V. Absolutnaja prichastnaja konstrukcija i smezhnye javlenija vo francuzskom jazyke [The absolute participial construction in the french language and the adjoining phenomena] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Tomsk State University Journal of Philology]. 2016. № 3. С. 5-15. DOI: 10.17223/19986645/41/3
22. Perel'man G.I. Nekotorye osobennosti absolutnyh prichastnyh oborotov «Prichastie II + sushhestvitel'noe v vinitel'nom padezhe» v sovremennom nemeckom jazyke [Some features of the absolute participial expressions "Participle And + noun in the accusative case" in modern German] // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena [Izvestia RGPPU named after Herzen], 2014, no. 171, pp. 68-76. (In Russian).
23. Remnjova M.L., Dedova O.V., Kuz'minova E.A., Nikolenkova N.V., Savel'ev V.S., Pentkovskaja T.V. Paleoslavistika. Datel'nyj samostojatel'nyj [Dative absolute] // Lingvokul'turologičeskij tezaurs «Gumanitarnaja Rossija» [Lingvokul'turologičeskij thesaurus «Humanitarian Russia»]. ООО «OC3», 2009. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurs/library.php?view=d&course=1&raz=3&pod=4&par=6> (In Russian).
24. Roeva K.M. Mezhkategorial'nye svjazi anglijskogo prichastija I v absolutnyh prichastnyh oborotah (na materiale nauchno-tehnicheskogo diskursa) [Intercategorical connections of the English participle and in absolute participial constructions (based on the material of scientific and technical discourse)] // MNIZh. 2013. №2 (9). S. 86-88. (In Russian).
25. Samsonova E.A. Prichastija i ih rol' v stanovlenii sintaksicheskoj perspektivy teksta (na materiale severnorusskih zhitijnyh proizvedenij ob Ioanne i logine Jaren'gskih XVI– XVIII vv.) [The participles and their role in the formation of the syntactic perspective of the text (based on the material of the North Russian life works about John and the login of the Yarengsk XVI-XVIII Centuries)] // Vestnik SPbGU. Jazyk i literature [Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature], 2009, no. 2-2, pp. 182-187. (In Russian).
26. Semenenko G.I. Absolutnyje prichastnyje predlozhenija v ranne-novoanglijskom jazyke: sociolingvističeskij aspekt [Absolute participial sentences in early New English: a sociolinguistic aspect] // Nauchnyj rezul'tat [Scientific result], 2014, no. 2, pp. 49-54. (In Russian).
27. Sergievskij M.V. Istorija francuzskogo jazyka [History of the French language]. Moscow, Uchpedgiz, 1938, 295 p. (In Russian).
28. Slavjatinskaja M.N. Uchebnik drevnegrecheskogo jazyka [Ancient Greek textbook]. Moscow, 2003, 630 p. (In Russian).
29. Timofeeva O.V. Sintaksicheskie zaimstvovanija v drevneanglijskom jazyke [Syntactic borrowings in Old English]. 2005, 173 p. (In Russian).
30. Tomelleri V.S. O nekotoryh sintaksicheskix osobennostjah Tolkovoj Psaltiri Brunona (1535) [On some syntactic features of the Explanatory Psalter of Brunon (1535)] // Lingvističeskoe istočnikovedenie i istorija russkogo jazyka [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. M.: Drevlehranilishhe, 2013, pp. 196-225.
31. Haburgaev G.A. Staroslavjanskij jazyk [Old Slavonic language]. Moscow, 1974, 432 p. (In Russian).
32. Shutov A.F. Rasprostranennye chleny kak semanticheskie analogi pridatočnyh predlozhenij v udmurtskom jazyke [Common members as semantic analogs of subordinate clauses in the Udmurt language] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology], 2012, no. 2, pp. 32-37. (In Russian).
33. Jarceva V.N. Istorija anglijskogo literaturnogo jazyka IX-XV vv. [History of the English literary language of the 9th-15th centuries]. Moscow, Science Publ., 1985, 248 p. (In Russian).
34. Bauer B. Archaic syntax in Indo-European. The spread of transitivity in Latin and French. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000, 394 p. (In English).

35. Bonnard H., Regnier C. *Petite grammaire de l'ancien français*. Paris, Magnard, 1991, 240 p. (In French).
36. Brunot F. *Histoire de la langue française, dès origines à 1900*. Paris, A. Colin, 1966, 360 p. (In French).
37. Costello J. R. The Absolute construction in Indo-European: a syntagmatic reconstruction // *Journal of Indo-European Studies*, 1982, no. 10. 3-4, pp. 235-252. (In English).
38. French mixed corpus of Leipzig Corpora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_mixed_2012 (In French).
39. Kisbye T. *An historical outline of English syntax*. Aarhus: Akademisk boghandel, 1972, 392 p. (In English).
40. Moliner M. *Diccionario de uso español. Edición electrónica. Segunda edición*. Gredos, 2001. (In Spanish).
41. Nygaard M. *Norrøn syntax*. Kristiania: Aschehoug, 1905. 391 p. (In Icelandic).
42. Pancol K. *La valse lente des tortues*. Paris, Le livre de poche, 2008. 768 p. (In French).
43. Ross C.H. The Absolute Participle in Mid- dle and Modern English // *PMLA*, 1893, Vol. 8, no. 3, pp. 245-302. (In English).
44. Sarrazin A. *L'astragale*. Paris, Le livre de poche, 1964, 226 p. (In French).
45. Thórhallur Eythórsson, Ingunn Hreinberg Indriðadóttir. The prepositional absolute construction in Icelandic // *Skandinavskaja filologija [Scandinavian philology]*. 2018. T. 16. Vol. 1. Pp. 3–18. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.101>. (In English).
46. Vaugelas C. *Remarques sur la langue française*. Paris, Hachette, 1647, 688 p. (In French).

Received 22.02.2021

Bogoyavlenskaya Yu.V., Doctor of Philology, Associate Professor,
at Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Mira St, 19, Ekaterinburg, Russia, 620002
E-mail: jvbog@yandex.ru